

УДК 94:342.72/.73-053.2(470)"1876"

Дело Кроненберга: «ступенька лестницы» к правам ребенка

И.В. НЕМКЕВИЧ

Судебное дело Кроненберга (1876 г.) рассматривается в контексте становления концепции прав ребенка. Успешное участие в процессе в качестве защитника В.Д. Спасовича вызвало громкий общественный резонанс и актуализировало проблему эффективности правовой защиты детей.

Ключевые слова: В.Д. Спасович, права ребенка, судебный процесс, адвокат, законодательство, общественное мнение.

The Kronenberg case (1876) is reviewed in the context of formation of the Rights of Child conception. The role of V. Spasovich in that case evoked notorious public resonance and actualized the problem of effectiveness of the legal protection of children is considered.

Keywords: V. Spasovich, Rights of Child, proceedings, lawyer, legislation, public opinion.

В начале 1876 г. практически все крупные газеты России писали о судебном процессе над Кроненбергом, адвокатом которого по назначению судом был В.Д. Спасович. Современный Интернет-ресурс в рубрике «7 самых громких судебных приговоров в Российской империи» следующим образом передает фабулу данного дела:

«Станислав Кроненберг наказал семилетнюю дочь за кражу нескольких ягод чернослива. Наказал – то есть в течение пятнадцати минут в исступлении бил связкой шпицрутен так, что на ее крики «Папа! Папа!» прибежала дворничиха, и пригрозила ему, финансисту, кавалеру ордена Почетного легиона, вызвать полицию. «Наказание» прекратилось. Но, не выдержав, через пару дней женщина все-таки отправилась в отделение, прихватив связку папок и окровавленное детское белье. Против отца завели уголовное дело. Он предстал перед судом. Ему грозила каторга. Однако по решению присяжных подсудимый был оправдан. Ключевую роль в процессе сыграла заключительная речь адвоката Владимира Спасовича. Искусный оратор, он сумел обелить отца единственным возможным способом – очернив ребенка. Многие представители интеллигенции были поражены циничностью приемов адвоката. Статью, посвященную «Делу Кроненберга», Федор Достоевский закончил фразой: «Когда общество перестанет жалеть слабых и угнетенных, тогда ему же самому станет плохо: оно очерстеет и засохнет, станет развратно и бесплодно» [1].

Заявив о своем неодобрении розги в качестве средства воспитания, Спасович, тем не менее, блестяще справился со своей задачей оказания профессиональной помощи обвиненному в истязании ребенка отцу. Опираясь на недостаточно четкое определение законом понятия истязания, акцентируя отдельные расхождения в заключениях экспертов, адвокат сумел убедить присяжных в отсутствии общественно опасных последствий содеянного Кроненбергом, да и в отсутствии самого преступного деяния. Убедить же их в отсутствии у обвиняемого преступных целей, мотива и вины позволило вполне артистичное преувеличение степени «испорченности» ребенка, требовавшей оперативного «педагогического» вмешательства. «Я полагаю, – говорил в своей речи Спасович, – что от чернослива до сахара, от сахара до денег, от денег до банковых билетов – путь прямой, открытая дорога» [Цит. по: 2, с. 219]. Скандальный результат процесса, однако, соответствовал уровню развития законодательства и вполне объективно отражал плюсы и минусы суда присяжных.

Действительно, материальное и процессуальное право Российской империи того времени не признавали ни равенства прав взрослых граждан, ни равенства прав ребенка и взрослого человека. Не могло быть и речи, тем более, о приоритетности прав ребенка.

Действительно, физические наказания не запрещались законом и широко практиковались. Власть родителей над ребенком рассматривалась в государственной идеологии в качестве одной из фундаментальных «скреп» общественно-политического устройства, а в большинстве добропорядочных семейств руководствовались «педагогическим» наставлением Писания: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его».

Действительно, тогдашнее законодательство не требовало закрытия процесса от публики, даже если в ходе судебного заседания необходимо было демонстрировать окровавленное нижнее белье семилетней девочки и часами обсуждать форму и происхождение шрамов на ее ягодицах.

В «деле Кроненберга», следовательно, скандально отразились реалии российского права, правосудия и общественной морали. И зеркалу общественного мнения это отражение решительно не понравилось.

Приемы защиты и демагогия адвоката вызвали оживленное обсуждение и сильное негодование в обществе. Любопытно заметить, что в оценке безнравственности этого адвоката совпали мнения людей даже диаметрально противоположных политических взглядов: М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского, К.П. Победоносцева. В демократических кругах неограниченная родительская власть воспринималась как пережиток старых, крепостнических порядков. «Дело Кроненберга не могло не возбудить общественного внимания, – писал, например, Г.К. Градовский. – Одни, без сомнения, встревожились этим процессом, опасаясь иметь в нем опасный прецедент для вторжения государственной власти в область семейных отношений; другие, наоборот, желали видеть в этом случае первый пример обуздания тех возмутительных злоупотреблений родительской властью, которые еще не редкость встретить в наше время» (Голос, 1876, 31 янв.) [Цит. по: 3, с. 448]. Публицист П.Д. Боборыкин возмущался тем, что Спасович, по его мнению, отрицал «печальную суть» проступка Кроненберга, признав его отцовский гнев справедливым и не усмотрев в наказании, которому подверглась девочка, мучительного истязания (Санкт-Петербургские ведомости. 1876. 1 февр.) [3, с. 449]. «Петербургская газета» в статье «Дело г. Кроненберга и его защитник» (1876, 25 янв.) резко порицала адвоката за то, что, будучи назначенным защищать подсудимого, он счел себя обязанным «кривить душою и торжественно выдавать за истину то, что есть вопиющая ложь и чему он сам не может верить» [3, с. 449]. Газета приходила к выводу, что институт адвокатуры нуждается в преобразовании. Студенты освистали знаменитого защитника на обеде 8 февраля в честь основания Петербургского университета и вычеркнули его из списка почетных гостей, приглашенных на их бал.

Если либеральная печать активно комментировала преимущественно процессуальные детали дела, то страстные и глубокие выступления М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского перевели общественную дискуссию на качественно новый уровень. Оба писателя в самой основе дела видели «фальшь нестерпимую», «фальшь со всех сторон». Салтыков и Достоевский апеллировали не столько к статьям действующего закона, сколько к «человеческим чувствам», которые были изгнаны из судебной процедуры «по самой силе вещей»: «... не нашлось никого, чтоб почувствовать всю невозможность, всю чудовищность этой картины! Крошечную девочку выводят перед людей, и серьезные, гуманные люди – позорят ребенка и говорят вслух о его «затаенных пороках»! [3, с. 81].

В статье «Отрезанный ломоть», опубликованной в марте 1876 г. журналом «Отечественные записки», М.Е. Салтыков-Щедрин с потрясающим сарказмом прокомментировал очередной успех известного адвоката, сумевшего доказать, что Кроненберг «отнюдь не истязатель, а всего лишь плохой педагог». «Все сделали свое дело. Г-н Кроненберг сек свою дочь, но без прорезания кожи, а ежели она кричала, то потому только, что вообще «кричать горазда». Г-н Спасович исполнил свое провиденциальное назначение бесподобно, то есть доказал, что клиент его наказывал не произвольным аллюром, но на точном основании указаний, представляемых кассационною судебною практикой. Присяжные заседатели вынесли оправдательный вердикт. Во всем этом нет ничего ни необычного, ни удивительного», – печально констатировал писатель [2, с. 220]. Компромисс В.Д. Спасовича с неприемлемой для него самой «идеей розги» в семейных отношениях Салтыков оценил как проявление в частном бытовом эпизоде «поветрия на компромиссы и сделки». В этом поветрии писатель видел выразительный симптом углублявшегося разрыва адвокатуры с передовыми общественными идеалами и прогрессивной литературой (в этом смысл названия статьи «Отрезанный ломоть»).

Возмущенный оправдательным приговором суда, Ф.М. Достоевский поместил свой подробный комментарий в февральский номер «Дневника писателя». Писатель предъявлял адвокату гневные справедливые обвинения: «Серьезно вы говорите это, г-н Спасович? Серьезно вы не знаете, где предел этой власти и «сколько может ударов и в каких случаях нанести отец»? Если вы не знаете, то я вам скажу, где этот предел! Предел этой власти в том, что нельзя семилетнюю крошку, безответственную вполне, во всех своих «пороках» (которые должны быть исправляемы совсем другим способом), – нельзя, говорю я, это создание, имеющее ангельский лик, несравненно чистейшее и безгрешнейшее, чем мы с вами, г-н Спасович, чем мы с вами и чем все бывшие в зале суда, судившие и осуждавшие эту девочку, — нельзя, говорю я, *драть* ее девятью рябиновыми «шпицрутенами», и *драть* четверть часа, не слушая ее криков: «папа, папа!», от которых почти обезумела и пришла в иступление простая, деревенская баба, дворничиха, – нельзя, наконец, по собственному сознанию говорить, что «сек долго, вне себя, бессознательно, как попало!» – нельзя быть *вне себя*, потому что есть предел всякому гневу и даже на семилетнего безответственного младенца за ягодку чернослива и за сломанную вязальную иголку! Да, искусный защитник, есть предел всему, и если б только я не знал, что вы говорите всё это нарочно, лишь притворяетесь из всех сил, чтоб спасти вашего клиента, то прибавил бы и еще, собственно для вас самих, что есть предел даже всяким «лирам» и адвокатским «отзывчивостям», и предел этот состоит в том, чтоб не договариваться до таких столпов, до которых договорились вы, г-н защитник!» [3, с. 76]. Статья явилась настоящим гуманистическим манифестом, призывающим к уважению личности ребенка. «Слушайте, – обращается Достоевский к своему читателю, – мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. И если мы учим их чему-нибудь, чтоб сделать их лучшими, то и они нас учат многому и тоже делают нас лучшими уже одним только нашим соприкосновением с ними. Они очеловечивают нашу душу одним только своим появлением между нами. А потому мы их должны уважать и подходить к ним с уважением к их лику ангельскому (хотя бы и имели их научить чему), к их невинности, даже и при порочной какой-нибудь в них привычке, – к их безответственности и к трогательной их беззащитности» [3, с. 77]. Необходимость усовершенствования возможностей юридической защиты детей очевидна великому писателю: «Я не юрист, но в деле Кроненберга я не могу не признать какой-то глубокой фальши. Тут что-то не так... Может быть, необходим глубокий и *самостоятельный* пересмотр законов наших в этом пункте, чтоб восполнить пробелы и стать в меру с характером нашего общества» [3, с. 82].

О нравственных последствиях процесса для девочки писал и публицист А.С. Суворин. Поставив данное судебное дело в широкий общественный и исторический контекст, он сформулировал пророческие слова: «Но успокойся, милый ребенок, все это делалось не ради тебя, не ради отца твоего, а ради того общественного гуманизма, который стоит выше святости семьи, который смягчает, уравнивает и исправляет взаимные отношения между членами семьи, и ты, маленькая девочка, не что иное в этом случае, как ступенька лестницы, по которой идут к усовершенствованию целые поколения» (Биржевые ведомости, 1876, 1 февр.) [Цит. по: 3, с. 449].

Вызванный процессом резонанс определенно поспособствовал «усовершенствованию поколений». Российская общественность задумалась о необходимости отказа от домостроевских «скреп», а передовые педагоги – о признании в ребенке личности, наделенной правами. В новом столетии эта общественность уже была готова к восприятию радикальных идей яркого поборника прав детей – петербургского педагога-новатора К.Н. Вентцеля: «Ребенок во всех возрастах своей жизни в своей свободе и правах равен со взрослым совершеннолетним человеком». Содержание опубликованной им в революционном 1917 г. «Декларации прав ребенка» вполне очевидно резонирует с давним «делом Кроненберга»:

- «каждый ребенок есть определенная личность, и он не может быть считаем ни собственностью своих родителей, ни собственностью общества, ни собственностью государства»;
- «ни один ребенок не может быть подвергнут лишению свободы; ни один ребенок не может быть подвергнут никакому наказанию» [4, с. 11].

Острую актуальность проблема защиты детей приобрела в условиях мировой войны и революционных потрясений. В 1920 г. в Женеве был основан «Международный союз спасения детей», а 26 ноября 1924 г. Пятая Ассамблея Лиги Наций приняла «Декларацию прав ребенка», закрепив подход, в соответствии с которым ребенок выступал самостоятельным субъектом прав и объектом первоочередной помощи. Впервые в своей истории человечество приступило к международному оформлению понятия прав ребенка.

Таким образом, мастерски исполнив профессиональную миссию защитника в деле Кроненберга, В.Д. Спасович понес очевидные репутационные потери. Данное дело, однако, косвенным образом включило известного адвоката в историю становления прав ребенка. Судебный процесс задел «болевого нерв» общества и подтолкнул российскую общественность к поиску более эффективных способов юридической защиты детей.

Литература

1. 7 самых громких судебных приговоров в Российской империи [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://russian7.ru/2013/07/7-gromkix-sudebnyx-processov-v-rossijskoj-imperii/>. – Дата доступа : 16.03.2015.
2. Салтыков-Щедрин, М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М. : Художественная литература, 1973. – Т. 15, кн. 2. – 399 с.
3. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: в 15 томах / Ф.М. Достоевский. – СПб. : «Наука», 1994. – Т. 13. – 544 с.
4. Король, Е.Д. Права ребенка: пособие для студентов психол.-пед. фак. / Е.Д. Король. – Брест : Изд-во БрГУ, 2007. – 98 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 15.01.2016

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ